

Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтного речевого поведения в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

Explicit and Implicit Markers of Conflict Speech Behavior in Internet-Mediated Communication during the COVID-19 Pandemic

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-6-94-104

Получено: 21 октября 2023 г. / Одобрено: 10 ноября 2023 г. / Опубликовано: 26 декабря 2023 г.

О.Ю. Гукосьянц

Канд. филол. наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», научный сотрудник научно-образовательного центра, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», ORCID ID: 0000-0001-7879-8436, ResearcherID: G-7392-2019, Россия, г. Пятигорск, e-mail: gukosjants@mail.ru

O.Yu. Gukosyants

Ph.D. in Philology, Associate Professor of the West-European Languages and Cultures Chair, researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguacognitive Technologies of Pyatigorsk State University, ORCID ID: 0000-0001-7879-8436, ResearcherID: G-7392-2019, Pyatigorsk, Russia, e-mail: gukosjants@mail.ru

О.А. Алимурадов

Д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», начальник управления научной работы, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», главный научный сотрудник научно-образовательного центра ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», ORCID ID: 0000-0002-8686-8374, ResearcherID: M-1571-2018, Россия, г. Пятигорск, e-mail: alimuole@mail.ru

O.A. Alimuradov

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the West-European Languages and Cultures Chair, chief researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguacognitive Technologies, director of the Scientific Research and Development Department of Pyatigorsk State University, ORCID ID: 0000-0002-8686-8374, ResearcherID: M-1571-2018, Pyatigorsk, Russia, e-mail: alimuole@mail.ru

Аннотация

Введение. Интернет накладывает значительный отпечаток на особенности построения и средства реализации конфликтной коммуникации. Исчисление данных средств позволяет с достаточной степенью четкости дифференцировать коммуникативные конфликты в Интернет и пресекать их.

Цель. Выявление и комплексное исследование конфликтного речевого поведения коммуникантов в процессе обмена комментариями к постам в «Живом журнале» за период с января 2020 г. по декабрь 2022 г.

Методология, методы и методики. Метод сплошной выборки для отбора материала исследования, метод комплексного коммуникативно-прагматического анализа, обеспечивающего оценивание комментариев как конфликтных; лингвистический анализ и контекстуальный анализ, способствующие вычленению эксплицитных и имплицитных маркеров конфликтного взаимодействия.

Результаты. Исчисленные эксплицитные маркеры: ненормативные лексемы, зоометафоры, негативная номинация лица с точки зрения происхождения, умственного развития, состояния здоровья, уровня образованности, с точки зрения интересов общества, окказионализмы периода пандемии, именованная собеседника представителями враждебной идеологии, эмотивные глаголы с негативной окраской,

Abstract

Introduction. The Internet leaves a significant imprint on the features of the construction and means of implementing conflict communication. The calculation of these tools allows us to differentiate communicative conflicts on the Internet with a sufficient degree of clarity and suppress them.

Aim. Identification and comprehensive study of the conflict speech behavior in the process of exchanging comments on posts in the LiveJournal for the period from January 2020 to December 2022.

Methodology and research methods. A continuous sampling method is used to select study material, a method of complex communicative-pragmatic analysis provides the assessment of comments as conflicting; linguo-stylistic analysis and contextual analysis contribute to detect the explicit and implicit markers of conflict interaction.

Results. Detected explicit markers: profanity, zoometaphores, negative facial nomination from the point of view of origin, mental development, health status, level of education, from the point of view of the interests of society, occasionalism of the pandemic period, naming of the interlocutor as representatives of hostile ideology, emotive verbs with negative meaning, neutral device nominations when referring to the interlocutor, lexical means with threat, isolation, vaccinating semantics. Detected implicit markers: means that contribute to the construction of a dichotomy "own - alien", phrase

нейтральные номинации устройств при обращении к собеседнику, лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования. Исчисленные имплицитные маркеры: средства, способствующие построению дихотомии «свой – чужой», фразеологизмы, обладающие негативной коннотацией, обилие знаков препинания, интернет-мемы для передачи эмоций, шрифтовые выделения, парцелированные конструкции, англоязычные вкрапления, эрративы, множественные вопросы, неполные предложения, параллельные конструкции, повторы, императивы, сослагательное наклонение в побудительном значении, модальные слова с семантикой долженствования. Средства-усилители конфликтного взаимодействия: противительные союзы, гиперболизация, фонетический каламбур, неопределенные местоимения, двойное отрицание, наречия-интенсификаторы, усилительно-выделительные частицы.

Научная новизна. Определен широкий спектр вербальных и невербальных средств, проявляющих конфликтность эксплицитно и имплицитно.

Практическая значимость. Полагаем, что достигнутые результаты позволят обеспечить регулирование увеличения конфликтных ситуаций в Интернет.

Ключевые слова: эксплицитный, имплицитный, лексические средства, фонетико-графические средства, грамматические средства, коммуникативный конфликт, комментарий, COVID-19.

ologisms with negative connotations, an abundance of punctuation marks, Internet memes for the transmission of emotions, typeface, parcellated constructions, English-language interspersions, erratives, multiple questions, incomplete sentences, parallel constructions, repetitions, imperatives, subjunctive mood in an incentive meaning, modal words with the semantics of dignity. Means-enhancers of conflict interaction: adversative conjunctions, hyperbolization, phonetic pun, indefinite pronouns, double negation, adverbs-intensifiers, amplifying-excretory particles.

Scientific novelty. A wide range of verbal and non-verbal means that show conflict explicitly and implicitly has been identified.

Practical significance. We believe that the achieved results will ensure the regulation of the increase in conflict situations on the Internet.

Keywords: explicit, implicit, lexical means, phonetic-graphic means, grammatical means, communicative conflict, comment, COVID-19.

Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагматическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

The paper was done within the framework of the project MK-1675.2022.2 (A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions) with a grant from the President of the Russian Federation.

Введение

В лингвистике неоднократно отмечалось, что конфликтное коммуникативное поведение в пространстве Всемирной сети маркировано определенной спецификой, которая позволяет с достаточной степенью четкости дифференцировать коммуникативные конфликты в Интернет и вне его. Дистанцированность участников общения друг от друга, а также — в подавляющем большинстве случаев — их анонимность способствуют тому, что изначально кооперативное коммуникативное поведение быстрее и с большей легкостью трансформируется в конфликтное. Г.С. Иваненко в этой связи отмечает, что Интернет (и, в частности, социальные сети) выступают не столько причиной и площадкой для реализации, сколько катализатором вербальных конфликтов: «Социальная сеть проявляет себя не только как техническое средство — она становится увеличительным стеклом, провокатором, непроницаемой повязкой на глазах» [20, с. 22].

Выявление особенностей речевого поведения в конфликте, возможность учета эксплицитных и имплицитных средств, выступающих в качестве конфликтогенов, невозможны без учета контекста разворачивающегося конфликта, условий коммуникации и ситуации, провоцирующей конфронтацию. Рассмотрение фрагментов конфликтного взаимодей-

ствия, созданных в единый период времени, а именно период пандемии *COVID-19*, послуживший причиной мощной эмоциональной дестабилизации в обществе и посвященный общей тематике, позволяет более четко детерминировать средства, выступающие в роли актуализаторов конфликта в определенной речедейательностной ситуации.

Настоящая работа является продолжением цикла работ (см., в частности, [13–16]), посвященных изучению конфликтного поведения собеседников в виртуальном мире в период пандемии *COVID-19*, выявлению лингвистических и экстралингвистических маркеров конфликтной коммуникативной ситуации.

Обзор литературы

Интернет-комментарий как «образец спонтанной письменной речи, написанной без учета канонов классического «довиртуального» письма», представляющий собой «фрагмент собственного размышления и обращения к другим» [30, с. 841], являет собой хорошее средство самовыражения коммуникантов. Как заключают Н.Д. Голев и Л.Г. Ким, «каждый участник приходит на дискуссионную площадку готовым вступить в спор с автором обсуждаемого текста и с участниками дискуссии, готовым обвинять “чужих” и находить “своих”» [9, с. 19]. Вероятно, именно данным фактом, а также сознательным желанием

спровоцировать столкновение с собеседниками объясняется высокий уровень коммуникативной агрессии, отмечаемый в значительном числе работ, посвященных конфликтной коммуникации в медийной среде (см., в частности, [5; 10; 12; 19; 34]), и актуализируемый благодаря «речеповеденческим и текстовым показателям разной знаковой природы (словесным, визуальным)» [22, с. 21].

Изучению конфликтогенных текстов, степени их прагматического воздействия, исчислению речевых формул, дискредитирующих собеседника, исследованию проблем лингвистической интерпретации оскорблений и характеристике инвективы посвящены работы В.И. Жельвиса [18], Н.Д. Голева [8; 14], А.Н. Белоус [4], А.В. Коряковцева [23], Г.В. Кусова [24], И.А. Стернина [31].

Рассмотрению конфликтогенов эксплицитного и имплицитного конфликтов посвящен ряд диссертационных исследований, в частности, работа А.В. Белозеровой [3], выполненная на материале англоязычных художественных текстов, работа Г.С. Макаренко [26], предлагающая изучение актуализаторов конфликтного потенциала текстов на материале газетных статей, работа Р.Р. Хазиевой [35], в которой рассматриваются маркеры выражения агрессивной лжи в англоязычном политическом дискурсе.

Рассуждая о семантике высказывания и упоминая в этой связи гипотезу «слоеного пирога», А.Н. Баранов отмечает, что именно «"слоистая" структура плана содержания является одной из важнейших предпосылок речевого воздействия», при этом «самой эксплицитной частью семантики высказывания считается пропозиция (ассерция), а имплицитных слоев довольно много» [1, с. 40].

Эксплицитными А.Н. Баранов называет утверждения, «содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, не проводя дополнительных смысловых преобразований, которые могут основываться как на значении слов, входящих в это высказывание, так и на значении контекста» [1, с. 41].

Следовательно, конфликтное речевое поведение собеседника манифестируется эксплицитно в том случае, когда содержит языковые единицы, отнесенные согласно толковым словарям к негативно маркированным единицам.

Значимость обращения к словарям при определении наличия у лексемы оскорбительной семантики, в частности, при проведении юрислингвистической экспертизы, подчеркивает Н.Д. Голев. Характеризуя сложности, возникающие перед экспертом, автор отмечает, что работа лингвиста-эксперта опирается на источники, «содержащие нормативные характе-

ристики языковых средств как потенциальных носителей инвективности», и «особенным предпочтением пользуются словари, и прежде всего нормативные пометы, содержащиеся в них типа «бранное», «грубое», «презрительное», которые механически переносятся на шкалу оскорбительности» [7, с. 27]. В этой связи Н.Д. Голев указывает на необходимость «более специализированного, ориентированного на правовое использование шкалирования инвективной лексики; в идеале, может быть, — не только специализированной инвективной лексики, но любой лексики в ее инвективном употреблении» [7, с. 28], а также на важность составления профильного юрислингвистического словаря инвективной лексики [8].

Развивая идею, высказанную Н.Д. Голевым, Г.С. Макаренко предлагает весьма объемный перечень нормативных словарных помет, которые используются в толковых словарях для обозначения негативно маркированных лексических единиц, и которые «можно назвать эксплицитно-конфликтогенными» лексемами: (прост.) «просторечное», (бран.) «бранное», (разг.) «разговорное», (груб.) «грубое», (презр.) «презрительное», (неодобр.) «неодобрительное», (пренебр.) «пренебрежительное», (сниж.) «сниженное», (ирон.) «ироническое» [25, с. 193]. Дополняя перечень лексических единиц, относящихся к разряду инвектив, Г.С. Макаренко предлагает учитывать также производные нецензурных слов [26, с. 143].

Противопоставляя эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтогенности, Г.С. Макаренко говорит, что «имплицитная конфликтогенность требует всестороннего анализа, в том числе и с позиций прагматики» [25, с. 194], что отличает ее от эксплицитной конфликтогенности, проявляющейся на лексико-семантическом уровне.

Соккрытие намерений говорящего, трудность интерпретации имплицитных конфликтогенов усложняют процесс анализа текста и возможность отнесения его к числу конфликтных. А.В. Белозерова, характеризуя имплицитный конфликт, его главной характерной чертой называет «отсутствие маркеров агрессии в речевом поведении коммуникантов, неконгруэнтность высказываний и маскировка истинного эмоционального состояния коммуникантов» [3, с. 11]. При этом имплицитные смыслы, создаваемые пользователями намеренно и транслируемые в виртуальном мире, оказывают значительный воздействующий эффект на собеседников. В настоящем исследовании предпринята попытка исчислить эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтного взаимодействия коммуникантов, наблюдаемые в процессе обмена комментариями в «Живом журнале» в период пандемии *COVID-19*.

Отсутствие физического и (или) визуального контакта собеседников определяет особую важность вербальных средств выражения мнений и оценок субъектами коммуникации [37]. Иными словами, реализация основных целей, на которые ориентировано конфликтное коммуникативное поведение в интернет-среде в период пандемии *COVID-19*, а именно — на причинение психоэмоционального ущерба коммуникативному партнеру, на возбуждение ненависти, на создание негативной тональности общения, возможна благодаря широкому спектру, прежде всего, вербальных средств, сопровождаемых средствами невербальными.

Наблюдаемое в ходе анализа комментариев к блогам в «Живом журнале» периода пандемии *COVID-19* конфликтное речевое поведение характеризуется разнообразием форм и проявлений, манифестируемых как эксплицитно, так и имплицитно. Целью настоящей работы является обобщение наблюдаемых в ходе изучения материала исследования эксплицитных и имплицитных маркеров конфликтного речевого поведения, активно используемых виртуальными коммуникантами в процессе обмена комментариями к постам в «Живом журнале» в период пандемии *COVID-19*.

Методы и материалы

Изучение конфликтного речевого поведения коммуникантов в процессе обмена комментариями к постам в «Живом журнале» за период с января 2020 г. по декабрь 2022 г. позволило выявить наиболее частотные вербальные средства и экстралингвистические компоненты, проявляющие конфликтогенность эксплицитно и имплицитно, а также выступающие в качестве усилителей, акцентуаторов конфликтного взаимодействия.

Материалом исследования в настоящей работе выступили комментарии к постам в «Живом журнале», опубликованные в период пандемии *COVID-19*, провоцировавшие столкновения коммуникантов в процессе общения и поддерживавшие развитие активного конфликта.

Достижение указанной цели работы осуществлялось при помощи следующих методов исследования: метода сплошной выборки, используя который было отобрано более 170 веток комментариев к постам в «Живом журнале», представляющих собой примеры реализации конфликтного взаимодействия; метода комплексного коммуникативно-прагматического анализа, применение которого обеспечивало возможность отнести рассматриваемые комментарии к категории конфликтных; лингвостилистического анализа и контекстуального анализа, с помощью которых осуществлялось вычленение эксплицитных

и имплицитных маркеров конфликтного речевого поведения авторов интернет-комментариев.

Результаты, дискуссия

В свете сказанного, наличие в анализируемых комментариях к постам в «Живом журнале» ненормативных лексем (бранных, просторечных, диалектных, жаргонных, обсценных слов) для именованного адресата, имеющих соответствующие пометы в толковых словарях русского языка, в том числе эвфемизмов и производных от данных слов рассматривалось нами в качестве эксплицитных маркеров конфликтного речевого поведения.

К числу эксплицитных маркеров конфликтного речевого поведения, активно используемых виртуальными коммуникантами в процессе обмена комментариями к постам в «Живом журнале» в период пандемии *COVID-19* и наблюдаемых нами в ходе изучения материала исследования, были отнесены также следующие.

Сопоставление собеседника с животными, применение зоометафор с целью нанесения оскорбления, в том числе эвфемизмов от зоометафор (фито-зоосемантические метафоры как один из разрядов слов, «использование которых в отношении определённого лица является оскорбительным (а сами лексические единицы именуется инвективами)» [11, с. 33–34], отмечены в работах М.А. Грачева [11], О.Н. Матвеевой [28], И.С. Янченковой [36].

1. — *Браво сын свиней. Интеллектуальный уровень защитников уже сам по себе приговор оному. Осталось бросить в бой диспансеры для умственно отсталых.*

— *Бычий***, вместо того, что бы оскорблять человека, ты бы опроверг написанное. но ты не сделал этого, потому иди...*¹

Оскорбительный эвфемизм, построенный на основе уподобления собеседника животному или на постулировании его кровного родства с животными (сын свиней), провоцирует агрессивную ответную реакцию адресата, вербализуемую преимущественно с применением обсценных выражений.

Негативная номинация лица с точки зрения происхождения (в работах Г.С. Макаренко данные лексемы именуется «негативно маркированными этнонимами» [26, с. 143], О.Н. Матвеева предлагает иное название — «национал-инвективы» [27]), лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, уровня образованности (отнесение лексем, выражающих негативную оценку умственного развития человека, к числу оскорбительных присутствует в работе О.Н. Матвеевой, на-

¹ Комментарии от 02.11.2021. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/7184018.html> (дата обращения: 05.08.2023).

зывающей их «интеллект-инвективами» [27]), негативная номинация лица с точки зрения интересов общества и общественной морали (данные лексемы в качестве конфликтопровоцирующих отмечены в работах А.А. Карамовой, Т.Д. Карамова [21], М.А. Грачева [11, с. 34]) также активно используются в качестве эксплицитных актуализаторов конфликтного взаимодействия, в том числе и при обмене комментариями в период пандемии COVID-19.

2. — *фашистов вроде тебя обязательно повесят как в Нюрнберге.*

— *Ты называешь меня фашистом за то, что показал пальцем на ковидиота, призывающего казнить всех инакомыслящих? Интересная у тебя логика. Так кто ж из нас фашист-то, получается? Предыдущие аккаунты все перебрали? Не удивлён, что и ты в рядах ковидобесов¹.*

Взаимные именованья собеседниками друг друга представителями враждебной идеологии, являющиеся маркерами конфликтопровоцирующей интенции коммуникантов, дополнены в представленном контексте глаголом с отрицательной коннотацией (*повесить*) и окказионализмами негативной семантики, появившимися в период пандемии: *ковидиот* (1) о том, кто игнорирует профилактические меры, предпринимаемые для ограничения распространения коронавирусной инфекции; 2) в речи ковид-диссидентов — о том, кто чрезмерно обеспокоен пандемией и покупает товары первой необходимости с запасом на будущее [6, с. 97], имеет помету «пренебр.» (пренебрежительное) в Словаре русского языка коронавирусной эпохи [6]), *ковидобес* (в речи ковид-диссидентов — о том, кто сеет панику вокруг темы коронавирусной инфекции, о яром стороннике соблюдения противоэпидемических мер в период пандемии [6, с. 114], имеет помету «пренебр.» (пренебрежительное) в Словаре русского языка коронавирусной эпохи [6]).

Эмотивные глаголы с негативной окраской, глаголы с отрицательной коннотацией (как маркер конфликтного речевого поведения глаголы с отрицательной коннотацией отмечены в работе М.А. Грачева [11, с. 34]), прозвища, в том числе окказионализмы, появившиеся в период пандемии, в ходе исследования также проявили себя в качестве актуализаторов конфликтного взаимодействия.

Агрессивная реакция наблюдалась и при использовании нейтральных номинаций устройств (*робот, бот*) при обращении к собеседнику, что, по всей вероятности, расценивается как его обезличивание, лишение человеческих качеств, отрицание наличия у него гибкого и критического человеческого мышления. В представленном ниже примере автор ком-

ментария раскрывает сущность данной номинации, что объясняет причину восприятия данных лексических единиц как оскорбительных для адресата.

3. — *Я человека сравнил с роботом не из-за замены органов, а в том, что человечество перестает мыслить и подчиняется машинам, механизуя своё мышление.*

— *Если человечество перестает мыслить, откуда берутся роботы?*

— *От бессмыслия².*

Следует отметить еще один тип актуализаторов конфликтного взаимодействия в виртуальном мире в обозначенный временной период, а именно — лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования. Использование их в речи приводит к экспрессивной реакции сторонников коммуниканта и лиц, придерживающихся противоположных взглядов, относительно озвученного в комментарии мнения. В представленном ниже примере попытка автора объяснить опасность происходящего и озвучить угрозу летального исхода в случае заражения коронавирусом спровоцировало оскорбление (*вакцинированный дурак*) в собственный адрес, что послужило поводом для ответной оскорбительной реплики и развития конфликтной ситуации.

4. — *Люди болеют. Причём болеют не только каким-то «безопасным ОРЗ», а воспалением лёгких. Да, оказывается безобидный коронавирус вызывает воспаление лёгких а его родственники — ещё одни смертельно опасные заболевания.*

— *Сразу видно вакцинированного дурака.*

— *Тупость (прежде всего тупость!) и подлость — главные качества антиваксерных ковидиотов³.*

Лексические единицы, синонимичные в рассматриваемом контексте лексической единице человек, равно как и наименования профессии, вида занятия, нейтральные по своей стилистической тональности, но в рамках контекста приобретающие резко отрицательный оттенок значения (дополненные грубыми, вульгарными, нецензурными, бранными словами) в рамках анализируемого материала могут быть отнесены к числу актуализаторов конфликтного взаимодействия.

5. — *ну вряд ли существо согласившееся на медицинские эксперименты на себе может оценить где глупость а где нет.. а вот люди вполне оценивают и видят. как бы не было обидно заказчикам..*

— *Думайте, как хотите. В случае с Вами мне все равно⁴.*

² Комментарий от 21.12.2021. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/198072.html?media&utm_source=recommended (дата обращения: 05.08.2023).

³ Комментарий от 28.08.2022. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/203463.html> (дата обращения: 05.08.2023).

⁴ Комментарий от 16.08.2022–17.08.2022. URL: https://olga-srb.livejournal.com/879900.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block&page=2 (дата обращения: 06.08.2023).

¹ Комментарий от 02.11.2021. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/7184018.html?page=2#comments> (дата обращения: 05.08.2023).

Используя номинацию существо, выступающую в данном контексте в качестве уничижительной («Существом называют человека, который является носителем какого-либо особенно характерного для него свойства, качества» [32]), автор с помощью противительного союза *а* противопоставляет собеседника людям, выстраивая таким образом дихотомию «свой — чужой». Противительные союзы в рассматриваемом материале не были отнесены к собственно маркерам проявления конфликтного речевого поведения коммуникантов. Однако, формируя оппозицию, противительные союзы способствовали интенсификации конфликтности, что позволило рассматривать их в качестве маркеров-усилителей.

Применение в процессе обмена комментариями к постам в «Живом журнале» обозначенных лексических средств способствовало ответной недружелюбной (защитной, агрессивной) реакции собеседников и, соответственно, установлению «отрицательного пространства межличностного диалогического взаимодействия» [4, с. 17]. Данный факт позволяет характеризовать перечисленные лексические средства в качестве эксплицитных маркеров проявления конфликтного речевого поведения коммуникантов.

И.А. Стерин, рассуждая об уровнях понимания значения текста и о наличии, помимо поверхностного (восприятие эксплицитной языковой информации текста), также глубинного уровня (понимание скрытого, имплицитного смысла текста) и интерпретации (формирование и формулирование концепта текста), обращает внимание на то, что проблема понимания скрытого смысла представляет собой особую проблему понимания сложного текста [31, с. 8]. Имплицитными (скрытыми) утверждениями ученый называет «утверждения, содержание которых выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [31, с. 10].

Изучение материала исследования, отслеживание восприятия и реакции адресатов на полученные сообщения позволили обозначить вербальные и невербальные средства, используемые авторами комментариев к постам в «Живом журнале» в период пандемии *COVID-19*, придающие высказыванию имплицитную конфликтность и, следовательно, расцениваемые в качестве имплицитных маркеров проявления конфликтного речевого поведения коммуниканта.

Манифестация дихотомии «свой — чужой» как провокация столкновения и развития конфликтной ситуации рассматривается нами в рамках настоящей выборки в качестве одного из имплицитных маркеров конфликтного взаимодействия. Дихотомия

«свой — чужой», построенная через противопоставление собеседника (*вы*) и всех прочих (*адекватные люди*), достигаемое с помощью противительного союза *а*, наблюдается в примере (5) и в представленном ниже примере.

6. — *Нет, так не получится. Вы что-то утверждаете — вы это и ищете. Начните, например, с документа, устанавливающего этот порог для коронавируса.*

- *Я знаю путь проще — забаню вас с вашими «хитрыми» подкатами и требованиями что-то вам лично доказать и вправить вам мозги. И вопрос закрыт. Рекомендую и вам меня забанить.*

- *И это правильный подход — лучше меня забанить, чем признаваться, что скопипастил глупость с вконтакте антипрививочников.*

- ****** банит всех адекватных людей, кто его ловит на лжи.*

- *Вам-то откуда знать, где вы — а где адекватные люди¹.*

В качестве актуализатора конфликтного взаимодействия в рассматриваемом материале исследования проявили себя также фразеологизмы, обладающие негативной коннотацией, а именно — единицы с семантикой «умереть» (*отбросить копыта, откинуть копыта, дать дуба*), «быть обманутым» (*пудрить мозги, морочить голову*), «доверять» (*уши развесить, верить на слово*), «испытывать тяжелое эмоциональное состояние, переживать» (*лезть на стену, выходить из себя, кусать локти, опускать руки*). О возможности фразеологизма, точнее, «актуального значения фразеологизма», выступать в качестве одного из «типичных способов выражения скрытых, или имплицитных, утверждений», учитываемых при проведении лингвистической экспертизы текста, говорит А.Н. Баранов [1, с. 47]. Как маркеры конфликтного взаимодействия фразеологизмы с негативной оценочной семантикой отмечены в работах М.А. Грачева [11], Г.С. Макаренко [26].

7. — *Дык этим дебилам не докажешь, что они сами себя масками добили. Только и слышно: «Мы везде в масках, санитайзерами обливаемся, а каждый день кто-то из нас ласты склеивает». И не догадываются, идиоты, что ВСЕ рекомендации НепотребПозора — это и есть прямой путь на кладбище. Что те, кто ходит без намордников, а спиртовой раствор воды употребляет внутрь — живут и здравствуют, а ЗОЖники в намордникахдохнут пачками.*

— *какой-то Вы чересчур пессимистичный...*

— *Ну у вас статья тоже не сатирический очерк².*

¹ Комментарии от 21.12.2021–28.12.2021. URL: https://melon-panda.livejournal.com/850857.html?media&utm_source=recommended (дата обращения: 06.08.2023).

² Комментарии от 09.11.2020. URL: <https://irek-murtazin.livejournal.com/2895603.html> (дата обращения: 05.08.2023).

В примере (7) наблюдаем применение автором первого комментария как эксплицитных, так и имплицитных маркеров конфликтного речевого поведения. К первой группе отнесем лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека — *дебил, идиот*; глаголы с отрицательной коннотацией — *добить,дохнуть*; эвфемизм последнего глагола — *прямой путь на кладбище*; окказионализм, появившийся в период пандемии — *намордник* («о медицинской маске», имеет пометы «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное), «неодобр.» (неодобрительно) в Словаре русского языка коронавирусной эпохи [6, с. 193]). Группу имплицитных маркеров составляют фразеологизм *ласты склеивает*, графическое выделение текста заглавными буквами *ВСЕ*. Маркерами-усилителями являются фонетический каламбур, основанный на созвучии — *НепотребПозор*, гиперболизация — (*дохнуть*) *пачками*.

К числу имплицитных маркеров конфликтопровоцирующей интенции в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии *COVID-19*, помимо графического выделения текста заглавными буквами, отнесем также следующие невербальные средства: обилие знаков препинания, интернет-мемы для передачи эмоций, намеренное зачеркивание части текста с целью его выделения, парцелированные конструкции, англоязычные вкрапления, эрративы.

8. — *Не поленился — прошел по приведенной вами ссылке, а потом еще и по тем ссылкам, которые даны там. И увидел то, что предполагал: отсутствие каких бы то ни было конкретных исходных данных — только результаты...*

— *Подлая брехливость антиваксерных ковидитов беспредельна¹.*

Графическая презентация текста, представленная в примере (8), с целью привлечения внимания к информации, содержащейся в зачеркнутом тексте, служит актуализатором конфликта, что подтверждается оскорбительной ответной репликой собеседника.

Оформление сообщения (пример (9)), в котором каждое предложение (а также части предложения в случае расчлененности последнего на несколько самостоятельных единиц) начинается с новой строки, использование шрифтового выделения (графического выделения текста заглавными буквами) служат для логического подчеркивания значимой для автора информации и придания тексту экспрессии.

9. — *«История повторяется дважды — сначала в виде трагедии, потом в виде фарса. «Маркс.*

И этот материал является ВАЖНОЙ частью фарса!

¹ Комментарий от 18.08.2022. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/203463.html> (дата обращения: 05.08.2023).

*Под скромным названием — «Раздайся море — г*вно плывёт».*

Так что ребятаки, отойдите ка в сторону.

*И пропустите это самое Г*ВНО.*

А то НЕ ровен час...

Тут парень передо мною, говоря простым языком не оставил от Н даже МОКРОГО места.*

Я ни в коем случае даже в страшном сне не собираюсь ОТБЕЛИВАТЬ и этого чёрного кобеля!!!

Я ЛИЧНО столько раз подталкивал Н к непредвзятому АНАЛИЗУ И ЭТОГО АСПЕКТА ПРОБЛЕМЫ всемирной биологической катастрофы — войны СО СКРОМНЫМ НАЗВАНИЕМ «КОРОНАВИРУС».*

Ожидая, что, парень С НЕПРЕДВЗЯТЫМ глазом, потому, что не спец. И ПОЭТОМУ мозги его не покрывты РЖАВЧИНОЙ!

УВИДИТ ТО, что я НЕ В СОСТОЯНИИ.

Но увы...

Как не мною не сказано — «НАДЕЖДЫ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ».

А мне до этой самой ЮНОСТИ расти и расти...²

Сегментация речевого потока и шрифтовое выделение дополнены в примере (9) аллюзией (*ОТБЕЛИВАТЬ и этого чёрного кобеля*) к прецедентному выражению из романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» — «Чёрного кобеля не отмоешь добела» [17]. Цветоминимации, являющиеся компонентами высказывания, обеспечивают построение оппозиции, позволяя воплотить конфликтный характер такого рода текстов. Анализ материала исследования позволил отнести колоративы к числу имплицитных маркеров проявления конфликтного речевого поведения коммуникантов.

Конфликтный характер текста, помимо парцелляции, может быть достигнут иными синтаксическими конструкциями, к числу которых, как показало исследование, отнесем множественные вопросы, неполные предложения, параллельные конструкции, повторы.

Множественные вопросы, активизирующие конфликтную коммуникацию, присутствуют в представленном ниже примере (10).

10. — *Впервые об этом вирусе заговорили в 2015 году.*

— *О каком этом? SARS-CoV-2? Это где вы в 15 году разговоры о нём узрели? И где вы там увидели SARS-CoV-2?*

— *А где вы видели, чтобы я приглашал к дискуссии идиотов?³*

² Комментарий от 13.01.2021. URL: <https://a-nalgin.livejournal.com/1988841.html?page=2> (дата обращения: 09.08.2023).

³ Комментарий от 24.10.2022–25.10.2022. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block (дата обращения: 06.08.2023).

Проведенное исследование подтвердило популярность некоторых стилистических и художественных приемов, используемых для провоцирования и развития речевого конфликта среди виртуальных пользователей и относимых нами к имплицитным маркерам конфликтного взаимодействия, а именно: риторических вопросов, антитезы, стилистического несоответствия (нарочитой торжественности).

Вопрос, присутствующий в первом комментарии (пример (11)), используемый автором с целью акцентировать внимание собеседника на очевидности происходящих событий и их преднамеренности, дезориентирует оппонента, усиливает эмоциональное напряжение и приводит в итоге к обмену взаимными оскорблениями.

11. — *если нечто выглядит как утка, крикает как утка и летает как утка то кто это есть? просто я выделил ряд признаков которые позволяют чётко выделить заказы для ковидофашиков-пропаганд**ов. на них они и палятся*

— *Кто выглядит как утка?*

— *утка... или у вас когнитивный нарушения после медицинских экспериментов над вами?*

— *Мне кажется, Вы дурак¹.*

К числу маркеров проявления конфликтного речевого поведения коммуникантов, выраженных имплицитно, в рамках настоящей работы отнесем также императивы [2; 26; 33], сослагательное наклонение в побудительном значении (в том числе в отрицательной форме), модальные слова с семантикой долженствования.

12. — *Мы не про эффективность, а про безопасность. Я пока что не увидел ни одного осмысленного возражения. Так что иди, уколись физраствором, получи сертификат и живи спокойно.*

— *Ваша логика мне понятна. А грубость — нет. Не болейте и — досвидание².*

В примере (12) видим, что первый комментарий, содержащий несколько императивных конструкций, демонстрирующих последовательность действий, которые якобы необходимо совершить адресату, воспринимается собеседником как проявление грубости. Ответная реплика подтверждает возможность рассматривать императивы в качестве маркеров конфликтного взаимодействия.

Модальные слова с семантикой долженствования, представляющие собой довольно широкий круг средств выражения модальных значений, именуемый, в частности, в работе М.А. Петровой «модальными предикатами», в число которых входят «модальные вводные слова и частицы, модальные глаголы, краткие прилагательные типа *должен, обязан, вынужден, принужден*, конструкции *быть в состоянии, иметь возможность* и пр., существительные *долг, обязанность*, а также предикативы» [29, с. 58–59], зачастую служат провокаторами проявления агрессии в ответных комментариях собеседников.

13. — *Каждый видит то, что позволяют ему его интеллектуальные способности. Самый очевидный вывод — надо вакцинироваться.*

— *Я увидел то, что ты — ни***вое существо. И это реально³.*

Первый комментарий в примере (13), демонстрирующий необходимость, неизбежность, вынужденность совершения действия, выраженные с помощью модального предикатива *надо*, встречает ответное оскорбление в адрес говорящего со стороны адресата (*ты — ни***вое существо*).

Резкого ответа со стороны собеседника удостоился также пользователь, опубликовавший первый комментарий в примере (14). Сослагательное наклонение в побудительном значении (*Учили бы Вы уже русский*) выступает в данном случае актуализатором конфликтного взаимодействия и в рамках работы рассматривается как имплицитный маркер конфликтотпровоцирующей интенции коммуникантов.

14. — *Учили бы Вы уже русский, раз неосторожно решили пытаться в наброс на этом чуждом для Вас языке.)*

— *Обычно именно так дискутируют амбициозные пубертаты решившие «покорять мир» своим «интеллектом»⁴.*

Как было отмечено выше, помимо эксплицитных и имплицитных маркеров конфликтотпровоцирующей интенции коммуникантов в процессе изучения материала исследования, были также выделены средства, способствовавшие интенсификации конфликтности и именуемые в настоящей работе маркерами-усилителями. Помимо противительных союзов, гиперболизации и фонетического каламбура, которые были указаны ранее, к числу маркеро-усилителей относим неопределенные местоимения, двойное отрицание, наречия-интенсификаторы, усилительно-выделительные частицы (*хотя бы, даже, только, же*).

Выводы / заключение

Изучение материала исследования на предмет проявления конфликтного взаимодействия и определение актуализаторов конфликтного речевого по-

¹ Комментарии от 14.08.2022–17.08.2022. URL: https://olga-srb.livejournal.com/879900.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block&page=2 (дата обращения: 06.08.2023).

² Комментарии от 02.11.2021. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/7184018.html> (дата обращения: 05.08.2022).

³ Комментарии от 02.11.2021. <https://colonelcassad.livejournal.com/7184018.html> (дата обращения: 05.08.2022).

⁴ Комментарии от 30.12.2020. <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html> (дата обращения: 05.08.2022).

ведения коммуникантов в процессе обмена сообщениями в интернет-опосредованной коммуникации на примере обмена комментариями к блогам, посвященным вопросам пандемии *COVID-19*, позволили выявить вербальные и экстралингвистические средства, которые в рамках данной выборки были отнесены к числу маркеров конфликтного речевого поведения. Исчисленные в ходе исследования маркеры транслировали конфликтный характер коммуникативного взаимодействия эксплицитно и имплицитно,

но, что позволило развести их на два крупных блока в зависимости от характера проявления конфликтной интенции. Также в процессе работы обозначены средства, являющиеся значимыми при наращивании конфликтного значения, способные расставить акценты и выделить необходимый смысл, однако, взятые в отдельности (без каких-либо из указанных выше эксплицитных и (или) имплицитных маркеров конфликтного взаимодействия), не актуализирующие семантику конфликта.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика [Текст]: учеб. пособие / А.Н. Баранов. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 592 с.
2. Белова Е.В. Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе [Текст] / Е.В. Белова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 114. — С. 1368–1382.
3. Белозерова А.В. Языковая репрезентация коммуникативного поведения инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте (гендерный аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Белозерова. — Иваново, 2016. — 210 с.
4. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Белоус. — Краснодар, 2008. — 50 с.
5. Быков И.А. Коммуникативные агрессии XXI века [Текст] / И.А. Быков, И.А. Гладченко, Э. Дэкич, А.Н. Жаворонкова, Р.Г. Иванян, В. Кляйч, С.В. Курушкин, А.Н. Марченко, М. Неделкович, В. Новяк, П. Павелчик, Н.С. Цветова / под ред. В.А. Сидорова. — СПб.: Алетейя, 2019. — 254 с.
6. Вальтер Х. Словарь русского языка коронавирусной эпохи [Текст] / Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая / Ред. коллегия: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. — СПб.: Изд-во Института лингвист. исследований РАН, 2021. — 550 с.
7. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы [Текст] / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвузовский сборник научных трудов. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. — С. 7–38.
8. Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка [Текст] / Н.Д. Голев, О.В. Головачева // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. — С. 123–151.
9. Голев Н.Д. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) [Текст] / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким // Медиалингвистика. — 2023. — № 10 (1). — С. 4–26. — DOI: 10.21638/srbu22.2023.101
10. Голев Н.Д. Лингвоконфликтология [Текст] / Н.Д. Голев, Н.В. Обелюнас // Эффективное общение (базовые компетенции); под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 279–280.
11. Грачев М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза [Текст] / М.А. Грачев. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 356 с.
12. Грейдина Н.Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) [Текст] / Н.Л. Грейдина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — № 2. — С. 102–106. — DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106
13. Гукосьянц О.Ю. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 [Текст] / О.Ю. Гукосьянц, О.А. Алимуратов, З.У. Хакиева // Научный диалог. — 2022. — № 11 (7). — С. 175–196. — URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196>
14. Гукосьянц О.Ю. Гендерные особенности передачи экспертного мнения при оказании речевого воздействия в англоязычной интернет-коммуникации в период пандемии [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». — 2022. — № 4. — С. 123–132. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.9>
15. Гукосьянц О.Ю. Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии COVID-19: коммуникативные ходы [Текст] / О.Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2023. — № 12 (3). — С. 117–133. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133
16. Гукосьянц О.Ю. Роль цвета и цветономинаций в поликодовом тексте [Текст] / О.Ю. Гукосьянц, О.А. Алимуратов, А.А. Горжая // Научный диалог. — 2023. — № 11 (10). — С. 140–155. — URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155>
17. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные [Текст] / Ф.М. Достоевский. — М.: АСТ, 2017. — 512 с.
18. Жельвис В.И. «Грубость»: проблемы классификации лексики [Текст] / В.И. Жельвис // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 109–113.
19. Зарипов Р.И. Коммуникативное, психологическое, информационно-психологическое воздействие: соотношение в межличностном и массмедийном дискурсе [Текст] / Р.И. Зарипов // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — № 3. — С. 73–80. — DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-73-80
20. Иваненко Г.С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтности [Текст] / Г.С. Иваненко // Юрислингвистика. — 2020. — № 18. — С. 21–25.
21. Карамова А.А. Лингвистическая экспертиза речевых актов оскорбления (по разным категориям дел) [Текст] / А.А. Карамова, Т.Д. Карамов // Актуальные вопросы и векторы развития современной филологии. — Петрозаводск: Новая наука, 2021. — С. 4–41.
22. Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) [Текст] / Е.С. Кара-Мурза // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2020. — № 19 (1). — С. 18–27. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.2
23. Коряковцев А.В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Коряковцев. — Кемерово, 2009. — 179 с.
24. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. — Краснодар, 2004. — 245 с.

25. Макаренко Г.С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтогенности публицистического текста [Текст] / Г.С. Макаренко // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. — 2016. — № 21 (1). — С. 192–195.
26. Макаренко Г.С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования : структурно-семантический и прагматический аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.С. Макаренко. — Уфа, 2018. — 192 с.
27. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование : перспективы и пути совершенствования [Электронный ресурс] // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : материалы межрегионального научно-практического семинара. — М., 2002. — URL: <https://lingva-expert.ru/articles/yurisljngvisticheskoe-ekspertnoe-issledovanie> (дата обращения: 15.08.2023).
28. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Матвеева. — Барнаул, 2004. — 283 с.
29. Петрова М.А. Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Петрова. — М., 2007. — 245 с.
30. Савельева И.В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель [Текст] / И.В. Савельева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — № 21 (3). — С. 839–849. — DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849
31. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте [Текст] / И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 64 с.
32. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д.В. Дмитриева. — М.: Астрель и др., 2003. — 782 с.
33. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.С. Третьякова. — М., 2003. — 301 с.
34. Трофимова Г.Н. Языковое послекусие интернет-эпохи в России : эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации) [Текст] / Г.Н. Трофимова, В.В. Барабаш. — М.: РУДН, 2020. — 273 с.
35. Хазиева Р.Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (на материале англоязычных конфликтогенных текстов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Р. Хазиева. — Уфа, 2018. — 198 с.
36. Янченкова И.С. Формы и способы выражения речевого акта оскорбления [Текст] / И.С. Янченкова // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2. — С. 46–50.
37. Tillabaeva A., Shulginov V. Speech Behaviour of Internet Users in Conflict Communication. Slovo.ru: Baltic accent, 2020, no. 11, pp. 45–57. DOI: 10.5922/2225-5346-2020-4-4
- language fiction text (gender aspect): avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences]. Ivanovo, 2016. 210 p.
4. Belous N.A. Konfliktnyj diskurs v kommunikativnom prostranstve : semanticheskie i pragmaticheskie aspekty: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filolol. nauk [Conflict discourse in communicative space: semantic and pragmatic aspects: avtoref. diss. ... doct. of philol. sciences]. Krasnodar, 2008. 50 p.
5. Bykov I.A., Gladchenko I.A., Djekich E., Zhavoronkova A.N., Ivanjan R.G., Kljajch V., Kurushkin S.V., Marchenko A.N., Nedel'kovich M., Novjak V., Pavelchik P., Cvetova N.S. Kommunikativnyye agressii XXI veka [Communicative aggression of the 21st century]. Ed. V.A. Sidorov. Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 2019. 254 p.
6. Val'ter H., Gromenko E.S., Kozhevnikov A.Ju., Kozlovskaja N.V., Kozulina N.A., Levina S.D., Mokenko V.M., Pavlova A.S., Priemysheva M.N., Rideckaja Ju.S. Slovar' russkogo jazyka koronavirusnoj jepohi [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Ed. board: E.S. Gromenko, A.S. Pavlova, M.N. Priemysheva (ed.-in-chief), Ju. S. Rideckaja. Saint-Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2021. 550 p.
7. Golev N.D. On the objectivity and legitimacy of sources of linguistic expertise. Jurisljngvistika-3: Problemy jurisljngvisticheskoy jekspertizy : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Jurisljngvistics-3: Problems of Jurisljngvistic Expertise], Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2002, pp. 7–38.
8. Golev N.D., Golovacheva O.V. The legal-linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language. Jurisljngvistika-6: Invektivnoe i manipuljativnoe funkcionirovanie jazyka [Jurisljngvistics-6: The invective and manipulative functioning of the language], Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2005, pp. 123–151.
9. Golev N.D., Kim L.G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). Medialjngvistika [Media Linguistics], 2023, no. 10 (1), pp. 4–26. (in Russian) DOI: 10.21638/spbu22.2023.101
10. Golev N.D., Obeljunas N.V. Linguoconflictology. Jeffektivnoe obshhenie (bazovye kompetencii) [Effective communication (basic competencies)], ed. A. P. Skovorodnikov, 2014, Krasnojarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, pp. 279–280.
11. Grachev M.A. Sudebno-lingvisticheskaja jekspertiza [Forensic linguistic examination]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 356 p.
12. Greydina N.L. Media aggression within political communication context (based on British and US media texts). Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2022, no. 2 (11), pp. 102–106. (in Russian) DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106
13. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O.A., Khakiyeva Z.U. Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic. Nauchnyi dialog [Scientific dialogue], 2022, no. 11 (7), p. 175–196. (in Russian) URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196>
14. Gukosyants O. Yu. Gender-Relevant Features of Imposing Expert Opinion in Online Communication of Pandemic Period. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, no. 4, p. 123–132. (in Russian) URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.9>
15. Gukosyants O. Yu. Implementation of Speech Tactics of Persuasion Strategy in Virtual Communication during COVID-19 Pandemic: Communication Moves. Nauchnyi dialog [Scientific dialogue], 2023, no. 12 (3), p. 117–133. (in Russian) URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133>
16. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A., Gorzhaya A. A. Color and Color Nominations in Polycode Text. Nauchnyi dialog [Scientific dialogue], 2022, no. 11 (10), p. 140–155. (in Russian) URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-140-155>
17. Dostoevskij F.M. Unizhennyye i oskorblennyye [Humiliated and insulted]. Moscow: AST Publ., 2017. 512 p.

References

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika: ucheb. Posobie [Linguistic examination of the text: theory and practice: textbook]. Moscow: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2007. 592 p.
2. Belova E.V. A model of the conflict linguistic personality in everyday conflict discourse. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic network electronic scientific Journal of the Kuban State. Agrarian University (Scientific Journal of KubSAU)], 2015, no. 114, pp. 1368–1382. (in Russian)
3. Belozerova A.V. Jazykovaja reprezentacija kommunikativnogo povedeniya iniciatora konflikta v anglojazychnom hudozhestvennom tekste (gendernyj aspekt): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filolol. nauk [Language representation of conflict initiator communication behavior in English-

18. Zhelvis V. I. "Rudeness": problems of the lexis classification. *Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2008, no. 7, pp. 109–113. (in Russian)
19. Zaripov R. I. Communicative, psychological and information-psychological impact in mass communication. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies]*, 2023, no. 3 (12), pp. 73–80. (in Russian) DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-73-80
20. Ivanenko G. S. Kommunikacija v social'noj seti: faktory konfliktogenosti. *Jurislingvistika [Jurislinguistics]*, 2020, no. 18, pp. 21–25. (in Russian)
21. Karamova A.A., Karamov T.D. Linguistic examination of speech acts of insult (in different categories of cases). *Aktual'nye voprosy i vektory razvitija sovremennoj filologii [Topical issues and vectors for the development of modern philology]*. Petrozavodsk: Novaja nauka Publ., 2021, pp. 4–41.
22. Kara-Murza E.S. Linguoconflictology and conflicts in Russian media (analysis of double case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2020, no. 19 (1), pp. 18–27. (in Russian) DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.2
23. Korjakovcev A.V. Invektivnost' kak funkcional'no-semanticheskaja kategorija russkogo jazyka [Invective as a functional-semantic category of the Russian language: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences]. Kemerovo, 2009. 179 p.
24. Kusov G.V. Oskorblenie kak illokutivnyj lingvokul'turnyj koncept [Insult as an illoculative linguocultural concept: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences]. Krasnodar, 2004. 245 p.
25. Makarenko G.S. Explicit and implicit conflictogenity markers in a publicistic text. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie [Bulletin of Bashkir University. Philology and art history]*, 2016, no. 21 (1), pp. 192–195.
26. Makarenko G.S. Konfliktnyj tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija : strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filolol. nauk [Conflict text as an object of linguistic study: structural-semantic and pragmatic aspects: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences]. Ufa, 2018. 192 p.
27. Matveeva O.N. Jurislinguistic expert study: prospects and ways to improve. *Teorija i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnyh jekspertizah i informacionnyh sporah: materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar [Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes: materials of an interregional scientific and practical seminar]*. Moscow, 2002. URL: <https://lingva-expert.ru/articles/yurislingvisticheskoe-ekspertnoe-issledovanie> (accessed 15 August 2023).
28. Matveeva O.N. Funkcionirovanie konfliktnyh tekstov v pravovoj sfere i osobennosti ego lingvisticheskogo izuchenija (na materiale tekstov, vovlechennyh v juridicheskiju praktiku): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filolol. nauk [The functioning of conflict texts in the legal sphere and the peculiarities of its linguistic study (based on the material of texts involved in legal practice: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences)]. Barnaul, 2004. 283 p.
29. Petrova M.A. Tipy nedomodal'nyh znachenij modal'nyh predikativ (na materiale slavjanskih i germanskih jazykov): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filolol. nauk [Types of modal values of modal predicates (based on the material of Slavic and Germanic languages: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences)]. Moscow, 2007. 245 p.
30. Saveleva I.V. Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2019, no. 21 (3), p. 839–849. (in Russian) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849
31. Sternin I.A. Analiz skrytyh smyslov v tekste [Analysis of hidden meanings in the text]. Voronezh, Istoki Publ., 2011. 64 p.
32. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D.V. Dmitriev. Moscow: Astrel' i dr. Publ., 2003. 782 p.
33. Tret'jakova V.S. Rechevoj konflikt i garmonizacija obshhenija: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filolol. nauk [Speech conflict and communication harmonization: avtoref. diss. ... doct. of philol. sciences]. Moscow, 2003. 301 p.
34. Trofimova G.N., Barabash V.V. Jazykovoe poslevkusie internet-jepohi v Rossii: jeffekt bumeranga (aktual'nye processy v russkojazyčnoj cifrovoj mediakommunikacii) [Language aftertaste of the Internet era in Russia: boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication)]. Moscow, RUDN Publ., 2020. 273 p.
35. Haziyeva R.R. Ispol'zovanie lozhnoj informacii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii dejstvitel'nosti (na materiale anglojazychnyh konfliktogennyh tekstov) [The use of false information in discursive linguistic-political modeling of reality (based on the material of English-language conflictogenic texts: avtoref. diss. ... cand. of philol. sciences)]. Ufa, 2018. 198 p.
36. Janchenkova I.S. Forms and methods of expressing a speech act of insult. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities]*, 2019, no. 2, pp. 46–50. (in Russian)
37. Tillabaeva A., Shulginov V. Speech Behaviour of Internet Users in Conflict Communication. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2020, no. 11, pp. 45–57. DOI: 10.5922/2225-5346-2020-4-4